

Николай Николаевич Вагнер

Ночные смены

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-3
ББК 84
Н63

Н63 **Николай Николаевич Вагнер**
Ночные смены / Николай Николаевич Вагнер – М.: Книга по Требованию,
2012. – 198 с.

ISBN 978-5-4241-1988-0

Жизнь и творчество Николая Николаевича Вагнера тесно связаны с городом на Каме — Пермью.

Роман «Ночные смены» повествует о героическом подвиге тружеников тыла в годы Великой Отечественной войны, о стойкости и мужестве молодых рабочих, ковавших грозное оружие победы.

ISBN 978-5-4241-1988-0

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2012

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2012

Н. Вагнер
НОЧНЫЕ СМЕНЫ
Роман

Глава первая

Смятение мыслей и чувств испытывал Алексей Пермяков, когда покинул комнатуху Дробина и предстал перед незнакомым ему миром суматошного и бесконечного движения, грохота и визга, единоборства удушливо знойных и освежающе ледяных потоков воздуха, блеска свежесрезанного металла, серебристой стружки и электрических огней.

Вслед за мастером Кругловым Алексей прошел по тесному пролету и остановился возле машины, сверкающей никелированными маховичками и вентилями. Это, верно, и был, как подумалось Алексею, тот самый универсальный расточный с горизонтальной и вертикальной настройкой, о котором только что говорил начальник участка. Управлял станком сутуловатый, в годах, человек по фамилии Соснин. Кивнув и нехотя произнеся свою фамилию, он словно забыл об Алексее, выполнял не спеша свою операцию, снимал деталь, ставил новую, закреплял ее, усердно завинчивая рукоять приспособления, и снова пускал станок. Работал Соснин неторопливо, расчетливо. Часто прикладывал к детали штангенциркуль или шаблон, напомилавший подковку.

Круглов уже давно ушел по своим делам, Алексей же стоял за спиной Соснина, чувствуя неловкость и скованность. Он старался внимательно наблюдать за работой своего учителя, но все его движения, их смысл плохо укладывались в голове, не воспринимались.

Спустя некоторое время он начал поглядывать на соседние станки, совсем непохожие на универсальный расточный. Каких только причудливых форм не были они: огромные, словно башни, и маленькие, приземистые карлики. Возле каждого деловито суетились люди — седоволосые и молодые, а то и совсем юнцы. Все были при деле, все знали повадки своих станков и, казалось Алексею, не замечали его, выражая если не презрение, то полное безразличие. И Алексею захотелось бежать отсюда прочь. Ему вдруг стало ясней ясного, что в цехе он не приживется и никогда не сумеет работать, как эти люди. Но бежать было некуда. На фронт его не взяли, а другого, более полезного дела, чем завод, он пока себе не представлял. И тут, в который раз, вспомнил Алексей первый день войны...

...Все, казалось, было таким, как прежде: солнце, синь неба, листва акаций, лип, могучего тополя, трава, густо покрывшая двор, наконец, люди. И в то же время решительно все изменилось, стало не таким, как вчера, и даже не таким, как несколько минут назад, когда прозвучало известие о том, что началась война.

Алексей Пермяков смотрел на небо, и оно меркло, продолжая оставаться миротворным, прозрачно синим. Смотрел на неподвижную зелень деревьев, и в ней проступала темень, хотя, если взглядеться пристально, листья были по-прежнему ярко-зелеными. Смотрел в лицо своего друга Кольки Спирина — и оно стало совсем другим, но что конкретно изменилось в нем, Алексей сказать бы не мог. Может быть, тень тревоги легла на лицо, а может быть, на нем отразился ход сложных мыслей, захвативших Кольку.

Оба они только что вышли на улицу, только что обговорили всяк на свой лад сообщение, переданное по радио, как прибежал их давний приятель из соседнего дома низкорослый и шустрый Юра Малевский. Он не спросил, знают ли Алексей и Николай о том, что началась война, посмотрел на их лица и понял:

знают. Подсел, тяжело выдохнул, низко опустил прямые атлетические плечи.

— Да...

А через мгновение Юра со свойственным ему темпераментом заговорил быстро и горячо:

— Уверен, что не сегодня-завтра дадут фашистам по башке и — конец войне.

— Слишком оптимистично, — возразил Николай, который был старше Юрия на год, а Алексея — на целых четыре года. — Бои идут на сотнях километров границы. От Баренцева до Черного моря. Думаю, на разгром этих бандитов уйдет все лето. Давайте-ка лучше обмозгуем, что будем делать...

— Ясно что! — перебил Юра. — Пойдем в военкомат. Пусть немедленно отправляют на фронт!

— Алексея не возьмут, а нам с тобой можно.

— Почему не возьмут? — возмутился Алексей.

— Почему! Тебе едва стукнуло семнадцать, — резонно ответил Николай.

— Ну и что? Добровольцем возьмут. Увидишь!

Прав оказался Николай. Он и посоветовал пойти на завод, когда сам отправлялся в распоряжение ВВС Северного флота.

— Будешь моторы делать, — утешал он, — а я как раз моторист со стажем. Мне и будут поступать твои моторы. Имей в виду — это все равно что на фронте, на самой передовой!

Алексей очень сомневался в правоте этих слов. К тому же он ничего не знал о заводской жизни, ничего не умел и даже не догадывался о том, что все здесь совсем по-другому, чем там, в городе, в тихом зеленом дворе, в школе-десятилетке, которую только что окончил.

Узкие двери проходных, покрытые оранжевой краской, оказались той чертой, за которой начинался непривычный мир звуков, запахов, стремительного ритма. На Алексея обрушился этот мир всей своей устрашающей громоздкостью, насыщенным до предела арсеналом машин, которые заслоняли людей, неведомо как уживающихся с бешеным грохотом и быстротой всего происходящего здесь. Алексей только и оглядывался, чтобы не пришибла его какая-нибудь махина, когда шел вдоль цехов, стараясь не отстать от хрупкой, но ничего не боявшейся табельщицы, которая назвалась Настей.

— Сюда! — звонко крикнула она в самое ухо Алексею.

Они повернули направо и пошли поперек цеха, мимо застекленной переборки. «Мастер», «Старший мастер», «Технолог», «Диспетчер»... — читал Алексей таблички на дверях. Наконец Настя толкнула дверь, на которой значилось: «Начальник цеха».

Начальник картерного цеха Ефим Григорьевич Хвылии сидел за столом, уткнувшись в какие-то графики. Спустя минуту он поднял глаза, и от его пристального взгляда Алексею стало совсем одиноко и сиротливо. Хвылин повертел в руках направление отдела кадров, бросил его па стол, еще раз взглянул на Алексея, как бы прикидывая реальную цену его возможностей, и сказал:

— Вас направили учеником токаря, а нам позарез нужен расточник. Не знаю, справитесь ли?

Алексей пожал плечами, потому что он тоже не знал этого.

— Понимаю: ни о том ни о другом у вас нет представления. Поясню: на расточном сложнее, зато интереснее. И ответственнее. — Прижав пальцами

бланк направления, Хвылин написал: «Начальнику пятого участка тов. Дробину. Зачислить учеником расточника» — и протянул направление Алексею: — Желаю успеха. Свободны!

И снова Настя повела Алексея вдоль застекленной перегородки до выщербленной и захватанной руками двери с надписью «Начальник участка № 5». Здесь не было никакой приемной. Они оказались в небольшой продолговатой комнате и увидели щуплого энергичного человека с редкими взъерошенными желтыми волосами, щетинкой коротких усов и крутым лбом. Розоватое лицо его казалось свежим и молодым, голубые глаза смотрели напряженно. Голос звучал громко и резко. Начальник беспощадно разносил двух людей, находившихся здесь. Один из них — рыжеватый, с веснушчатым лицом, переминался на крепких ногах, нервно подергивал плотными плечами, пытаясь вставить хотя бы слово, но голубоглазого словно прорвало. Он обрушивал свой гнев, не выбирая слов, хотя теперь, в присутствии Насти, ругательства стали менее заковыристыми.

— К двадцати четырем ноль-ноль, — закончил начальник, — и ни минутой позже, обработать весь задел! Ясно? Сам проверю. Имейте в виду, шкуру спущу, если на участке останется хоть одна деталь!

Он опустил за стол, провел несколько раз рукой по лбу и сказал тихо и отрешенно:

— Можете идти. — Однако, взяв из рук Насти направление, вернул одного из уходивших: — Петр Васильевич, задержись.

Веснушчатый крепыш, на скуластом лице которого еще держалось нервное напряжение, остановился в дверях. Взгляд его как бы спрашивал: «Ну, что еще?»

— Принимай пополнение. — Начальник участка кивнул на Алексея, заметив мимоходом: — Очень вовремя прибыли. — И уже веснушчатому: — Поставь на универсальный расточный к Соснину, пусть учит. А если дело не пойдет, переведешь учеником токаря. Черновой работы не сторонись? — вновь обратился он к Алексею. — У нас ведь тут нелегкая жизнь. — Не выслушав ответа, снова спросил: — Образование?

— Десять классов.

— Почти академия, — по-доброму улыбнулся начальник. — Ну что же, давай знакомиться. Дробин Иосиф Александрович. А это — твой непосредственный командир, сменный мастер Петр Васильевич Круглов. С остальным народом познакомишься на месте. — Дробин встал. — Ступай в цех, Пермяков, и без раскочки за работу! В учениках не засиживайся. Даю месяц. Сам понимаешь, какое время...

В полдень Соснин остановил станок, вытянул из железной тумбочки выдавшую виды почти черную тряпку и стал тщательно вытирать руки. Этой же тряпкой смахнул стружки с комбинезона и, как, наверное, ему думалось, привел себя в полный порядок. Алексею же видно было, что на плечи и особенно на потное лицо Соснина налипло много алюминиевой пыли и мелкой стружки. Но он не стал говорить об этом: понял, что Соснину совершенно безразлично, как он выглядит. Казалось, он в равной степени равнодушен к себе и ко всему окружающему. И, верно, только приличия ради обратился теперь к Алексею:

— Ну, что же, пора и пообедать. Время.

Услышав, что Алексей не захватил с собой денег, Соснин монотонно объяснил:

— Дело не в деньгах. В столовой надо иметь талон. А поскольку талонов у тебя пока нет, поедим на мои. Пошли, — настойчиво позвал он, заметив нерешительность Алексея. — Потом отдашь. До конца-то смены еще немало.

И они пошли через весь цех и еще через соседний, пока Соснин не повернул в узкую арку в боковой стене. Запахло щами из квашеной капусты. Огромная квадратная комната, уставленная металлическими столами и стульями, была еще пуста. Только у окна раздачи, прорезанного во всю ширь стены, стояло несколько рабочих. Однако уже через минуту народу прибавилось. Тут, в цеховой столовой, и увидел Алексей впервые двух весельчаков токарей Вениамина Чердынцева и Петра Гоголева.

— Кто последний, я за вами, что дают? — пронзительным голосом спрашивал тощий долговязый парень в широком комбинезоне, свисавшем с плеч. Щеря беззубый рот и корча потешную гримасу на сером, угреватом лице, он обращался к своему другу, такому же рослому, но по-богатырски сложенному: — Петр Иваныч, вы не только можете достать воробушка, но и заглянуть в котел. Что там бачат ваши очи?

— А не глядели бы мои очи в этот мутный водоем: в нем не выловишь ни рыбы, ни мяса.

— Понятно: на первое мы имеем водоросли.

— Так точно, витамин цэ, как раз для восстановления твоих зубов. А на второе — витамин цэ тушеный плюс белки, жиры и углеводы мясной породы. Бери котлеты, и с приветом! А я — супы.

— Понятно! Алло, Розочка, держи талончики, гони бульончики!

Петр протянул свои тяжелые руки и, получив от румяной подавальщицы две алюминиевые миски, пронес их над толпой. Бренча вилками и мисками, торжественно вышагивал за ним Чердынцев, хитрюще подмигивая знакомым. Как показалось Алексею, он дружелюбно подмигнул и ему. Это сразу убавило ощущение сиротливости, от которого Алексей все еще не мог отойти.

Где-то в дальнем конце столовой пронзительно звенел голос Чердынцева, напоминавшего, наверное, не в первый раз, что он — кадровый из кадровых токарей, потому ему и положены почет и уважение всех без исключения. И только теперь вспомнил Алексей о Соснине. Оглянулся и увидел его, выбиравшегося уже из тройного ряда очереди. Он степенно держал поднос, кося глазами на встречных, и шел медленно, стараясь не расплескать щи. Несмотря на то что они в буквальном смысле слова были пустыми, Алексей съел их с гораздо большим удовольствием, чем травянистую на вкус мясную котлету.

За время обеда Соснин не произнес ни одной фразы. Ел он так же неторопливо, как работал. Не спешил и встать из-за стола. Облизал ложку с обеих сторон. Коркой хлеба вымакал сок, оставшийся от тушеной капусты. Вытер скомканным грязным платком губы. И все казалось, что в голове его шла сложная работа. Он, не переставая, думал о чем-то своем, и можно было вообразить, что в этом мире присутствует лишь его тело, а душа, мысли находятся далеко отсюда, от завода, где он отстоял полсмены у станка, от цеховой столовой, где только что обедал. И вопрос он задал Алексею механически, не расставаясь с мыслями, известными только ему:

— Ну-с, пойдём на пост? — А по дороге на участок снова спросил: — Не куришь? — Услышав отрицательный ответ, похвалил: — Правильно делаешь.

Это ни к чему, и расходов меньше.

Соснин не сразу запустил станок. Стоял возле него, тщательно завязывая истертый и потрескавшийся клеенчатый фартук, смотрел куда-то мимо Алексея. В глазах его не отражалось ни боли, ни радости — ничего.

В это время подошел бригадир Чуднов, молодой, среднего роста парень с внимательным и спокойным взглядом черных глаз; крупные кольца его темных волос затейливо падали на лоб. К Алексею он обратился дружелюбно, как будто давно знал его:

— Принимаем боевое крещение? Давай, давай. В добрый путь! Станок тебе достался завидный. Самое меньшее пять-шесть операций будешь делать. Это не то, что вон у Зубова — одну и ту же дырку сверлить. — И спросил: — Раньше не приходилось работать?

— Не успел.

— Небось сразу после школы? — Алексей кивнул. — Ну, ничего, привыкнешь, освоишься. Соснин у нас кадровый станочник, лучшего учителя и не требуется.

Мягко опустив руку на плечо Алексея и внимательно взглянув ему в глаза, Чуднов направился к соседнему станку, не по возрасту сутулясь, озабоченный. Алексей видел, как бригадир склонился к сверкающим шпинделям сверлильного полуавтомата, вытащил из кармана спецовки небольшой ключ и начал орудовать им. Свердловщик в старой полинявшей тельняшке стоял рядом, нервно жестикулировал, выражая недоумение.

Соснин, тоже проводивший взглядом бригадира, пояснил:

— Николай Чуднов — что тебе бригадир, что настройщик. На любом, сколько есть в цехе станков, работать может. Профессор! А лет-то профессору... не больше двадцати. — На этих словах Соснин подавил спазму, перехватившую горло, посмотрел куда-то в пустоту и только после этого раздумчиво произнес: — Да... В нашем деле тоже таланты встречаются. Ну-с, начнем. — Он наклонился к панели, расположенной поперек станины, нажал указательным пальцем одну из кнопок; послышался ровный гул станка. — А ты примечай, — крикнул он, — погляди денек-другой, что непонятно — спрашивай!

После этих слов Соснин снова забыл об Алексее. Взгляд его был прикован к линии среза на детали, к рычагам, которые он переключал методично, не торопясь, как бы нехотя. Соснин, казалось, не спешил, а работа шла. Число готовых деталей постепенно увеличивалось, а кучерявый, глазастый контролер, с лица которого не сходила добрая улыбка, подходил время от времени к станку, отмечал довольным голосом: «Хорош!» — и звонко выстукивал на детали клеймо.

— Ты примечай, — неожиданно произнес Соснин. — Эта операция проще простого. Жмешь на крайний рычаг — подходит стол. Жмешь на соседний — и стол поехал вправо, параллельно фрезе. Это — самоход. Риску на детали видишь? Вот до нее и срезаешь. Можно и без риски. Смотри сюда, на шкалу нониуса. Тут у меня карандашная отметочка. Вот еще миллиметр и — стоп. — Соснин ударил слегка по головке рычага. Стол потерял движение. — Теперь опять жму на крайний рычаг, стол отвожу в сторону. — Стол действительно устремился влево, и Соснин повернул приспособление, чтобы сделать следующий проход фрезой. — Вот так и едем вперед, по окружности. Едем, едем, а деталь, глядишь, и готова. На-ка, попробуй сам!

— Я?! — растерялся Алексей. — Если бы без детали...

— Можно и без детали. Погоняй станок туда-сюда вхолостую, почувствуй его. На велосипеде катался? Вполне можно сравнить с этим умением. Или, например, плавать можешь? То же самое и тут — почувствовать надо. Заодно со станком быть. Как почувствуешь его, что в твоих он руках, слушается тебя, так и погонишь детальки... Вот та-ак, вот та-ак, — увлекаясь работой, четко, в нарастающем темпе нажимая на рычаги, приговаривал Соснин. — А ну, давай сам!

Шагнув к станку и почувствовав, как он дышит теплом и перегоревшим маслом, как дрожат отполированные тысячами прикосновений головки рычагов, Алексей заволновался, даже струсил и хотел было отступить, но услышал голос Соснина:

— Не робей, гони стол на себя!

Стараясь отбросить скованность, Алексей сомкнул головки средних рычагов, и стол птицей полетел к фрезе.

— Стоп! — крикнул Соснин.

Но Алексей и сам уже повернул рычаг, стол замер, самую малость не дойдя до фрезы. Эти считанные минуты показались долгими и наполнили таким ощущением, будто свершилось что-то необычайно значительное. Алексей не знал, куда деть руки, завел их за спину, потом скрестил на груди, наконец, начал утирать взмокший лоб. Соснин улыбнулся уголками рта, а может быть, вовсе и не улыбка была это, а от природы так глубоко залегли складки.

Сказал он небрежно:

— Давай-ка кинь детальку на приспособление. У нас как-никак фронтное задание. Фронтное... Фронтное... — И Соснин снова замолчал.

Необработанные детали громоздились по обе стороны станка, и Алексей поспешил к ближайшей пирамиде, схватил первую попавшуюся, но кинуть ее на станок не сумел. «Деталька» солидно весила.

«Пуда два», — подумал он и только с упора на грудь взметнул ее на приспособление.

Соснин вытер вдруг заслезившиеся глаза все тем же грязным платком — стружка, наверное, попала — и констатировал:

— Так-с. Закрепляй. Вот она, крестовина.

И Алексей вставил стержень крестовины во втулку приспособления, намертво завернул рукоять.

— На месте! — одобрительно произнес Соснин и, коснувшись рукой крестовины, убедился: деталь закреплена надежно. — Теперь никуда не уйдет. — Он нажал на рычаг, подвел стол, переключил станок на медленную подачу, но врезаться в деталь не стал. — А ну, пройди флянец, — сказал Соснин, отступив на шаг. Алексей вопросительно посмотрел: не шутит ли учитель? — Давай, давай. На фронте небось тоже стреляют когда-то в первый раз.

После этих слов ничего не оставалось, как взяться за рычаги и впервые в жизни прикоснуться к металлу, не где-нибудь в школьной мастерской, а на военном заводе, выпускающем моторы для боевых самолетов.

— Какой сегодня день? — спросил Соснин.

— Первый, — не поворачивая головы, ответил Алексей.

— Знаю, что на заводе ты первый день. Я спрашиваю, какой сегодня день войны? — И сам ответил: — Сороковой...

Алексей так и не понял, в связи с чем задал свой вопрос Соснин. Больше тот

ни о чем не спрашивал и вообще до конца смены не произнес ни одного слова. Даже на прощание ничего не сказал, а только кивнул молча и отвернулся к станку.

Возвращался Алексей домой с той приятной усталостью, которая не клонила ко сну, не расслабляла, а, наоборот, будила сознание устойчивой, непроходящей радостью: хотелось быстрее увидеть самых близких людей и поделиться с ними всем пережитым за день.

Мамы дома не было. Она ушла вместе с отчимом на переговорный пункт. Об этом Алексей узнал из записки, оставленной на столе. Будет звонить брат Владимир из Ленинграда. Он уезжает в армию.

Первое, о чем подумал Алексей, — бежать на почту. Ему тоже хотелось услышать голос брата, которого давно не видел, с прошлых летних каникул. Однако усталость взяла верх. Отшагать еще шесть кварталов после долгой дороги с завода было свыше сил. Другое дело — выйти во двор, перекинуться словом с Юрой Малевским, рассказать о первом дне, проведением на заводе. Но встреча с другом не состоялась. Юра был уже далеко от города. Его призвали в армию, в стройбат, и он трясся в эти минуты в теплушке поезда, увозившего его все дальше от дома. А вот другую новость Алексей услышал в этот вечер от Гриши Можаяева. Гриша вошел во двор в белоснежной рубашке, в новых вельветовых брюках, сшитых по последней моде, беспечно насвистывая.

— Переживаешь за своего учителя? — спросил он.

— За какого учителя? — отозвался Алексей, Не понимая, о чем говорит Гриша.

— За Соснина, конечно. Весь цех знает, что он сегодня похоронку получил. Его сын погиб в первый день войны. Он служил в пограничных войсках.

Глава вторая

Месяц ученичества промелькнул как один день. Да и дней самостоятельной работы за станком минуло уже немало. Алексей успел за это время хорошо «почувствовать» станок, о чем говаривал не раз старый расточник Соснин — первый наставник и учитель. Соснина давно не видно в цехе. Тяжело пережив гибель сына, он надолго задержался в нервном отделении больницы. А дни — однообразные, ничем не примечательные, бежали один за другим. Порой казалось, что и не было этих дней. Они складывались из короткого сна, перекуса на ходу чем бог послал, и вот из таких сборов на завод...

Извлечены из коридорного закутка и зашнурованы поизносившиеся уже ботинки, — подошвы их сплошь иссечены стружкой, — застегнута промасленная телогрейка, натянута поглубже серого сукна ушанка. Вот и все.

За порогом ждали крепчавший холодок нарождавшейся ночи и эти пять-шесть верст по хрустящим лужам, по неровной наледи — знакомый, исхоженный день за днем и, казалось теперь Алексею, извечный путь.

Он не радовал. Ну какая радость от этих верст, если они отбирают время и силы? А силенок и времени в войну занять негде. Скорее всего радость начиналась в цехе, с того момента, когда доберешься до ворот, тамбура, пройдешь заслон горячего воздуха, бьющего из калориферов, когда окажешься среди таких же семнадцатилетних работяжек. Но до этого сколько еще шагать — сначала вдоль уснувших закопченных домишек, потом по прошитому ветром пустырю, где торчат, словно разбомбленные, стены недостроенного Дворца культуры и двух-трех жилых домов, теперь заброшенных, казалось, навсегда, а там еще — по заводскому двору, по тропкам, петляющим между ворохов стружки или переваливающим через них.

Но вот и цех, где никогда не угасает жизнь. Привычный мир звуков, запахов, рабочего ритма. Разве лишь чуть замедлялся этот ритм теперь, в вечерний час. Кончалась смена. Рабочие останавливали станки, упругими струями сжатого воздуха сгоняли стружку, протирали станины и корпуса разгоряченных машин.

Двенадцать часов отстучали станки, двенадцать часов отработали возле них люди, и вот теперь наступила короткая передышка для станков и двенадцатичасовая для их хозяев.

Сменщик Алексея — Альберт Борщов в синей, аккуратно разглаженной блузе стоял возле красавца «боринга». Сознание превосходства и надменность светились в его улыбке. Он словно и не работал весь день, словно и не устал. А может быть, только делал вид, что все ему нипочем.

Борщов вытирал неведомо где добытой белой тряпицей руки и самодовольно оглядывал серебрившиеся стопки обработанных деталей. Они были выше его роста. Алексей сразу прикинул: выработка рекордная, и вряд ли удастся ему сделать за ночь столько же.

— Сколько? — спросил он, чтобы не показаться невнимательным.

— Не считал. Больше двадцати, во всяком случае.

Борщов небрежно бросил тряпку на тумбу и стал заполнять карточки выработки. Писал мелким аккуратным почерком и мимоходом бросал фразы:

— Задел есть! Настройка — синими и красными отметками. Можешь не